

ЗАВТРАШНИЙ СЕАНС

Иван ОХЛОБЫСТИН, Роман КАЧАНОВ

Даун хаус

По мотивам романа Ф.М.Достоевского «Идиот»

Фрагменты сценария

Примечание:

1. Даун — человек, страдающий болезнью дауна, в просторечье идиот.
2. Хаус — модное течение в танцевальной молодежной музыке конца двадцатого века.

Швейцария. Город Белль. Автостанция

В некотором альпийском городе — скажем, Белль — жизнь текла размеренно. По улицам степенно прохаживались семейные пары, катились на велосипедах аккуратные старушки со следами многочисленных пластических операций на лицах, возвращались домой после школы местные школьники в коротких штанишках и белых гольфах, чуть поодаль, сразу за городской автобусной станцией, паслись тучные коровы.

Так же размеренно происходило все и на городском автовокзале, где местные жители и туристы рассаживались в блестящие чистотой и буржуазностью огромные междугородные автобусы. Все было благополучно, без эксцессов, пока князь Мышкин, двадцати пяти лет от роду и одетый по современному экстравагантно, при четырех золотых серьгах в правом ухе, не подошел к одному из автобусов, не протянул немцу-кондуктору билет и не включил магнитофон, который держал на плече.

Водитель автобуса воспринял дикие звуки, излившиеся из магнитофона, за сигнал к отправлению и резко тронул автобус с места.

От неожиданного толчка некоторые пассажиры повалились со своих мест и получили множественные ушибы. Когда, наконец, князя все-таки пустили в салон, автобус почти сразу тронулся. Рядом со своим местом Мышкин обнаружил еще двух господ, причем у одного была загибана нога, он свалился между рядов кресел и ругался, другой пассажир пытался его поднять. Князь помог. Усадили, но пассажир с переломом никак не унимался:

— Все бы им над русским человеком издеваться. Я только на свое место залез, еле ногу разместил, а какой-то идиот сигнал подал, автобус дернуло, и я ногу еще сильнее поломал. Ох, как устал и как болит нога!

— Это не сигнал, — вмешался князь, — это хаус. В моем противоречивом прошлом — молодежная музыка, — и показал на свою стереосистему.

— Удобная музыка, я видел, — согласился с ним третий пассажир, — один негр меня водил в подвал и показывал, как другой негр пальцем по пластинкам скреб, а интуристы, как кузнечики прыгали, и доподлинно мне известно, что их бабы, без всяких там слов, дают совоккупиться.

Тот, что со сломанной ногой, протянул руку Мышкину:

— Парфен Рогожин, коммерсант.

— Очень приятно, — пожал его ладонь тот и намеревался также представиться, но Рогожин тут же предложил: Вышеем стреленную?

— Мне водку пить нельзя, — отказался князь.

— Ну, не знаю, а вот мне просто необходимо, — сообщил коммерсант. — Иначе никак. Страдаю от любви, за эту любовь пострадал и от гнева отцовского, как партизан, в горах скрывался, в швейцарских.

Две недели пил с грузинами, казахами и двумя белорусами. А ни одного порядочного швейцарца так и не встретил. Черт меня дернул на лыжи встать. — И он постучал по гипсу.

— не трезв был. За Настасью Филипповну — зазнобу мою! — Он достал из бархатных шаровар цвета индиго плоскую серебряную флягу, сделал из нее объемный глоток, обтер фляжку о красную сатиновую с вышивкой косоворотку и вполне удовлетворился.

— Да-с, со швейцарцами дело плохо. Они здесь совсем скоро повымрут, как чукчи, у них происходит упадок рождаемости — я еще в Рос-

сии в газете читал, — сказал третий. Экипированный, как сотрудник Внешэкономбанка в серый мятый пиджачок, со сбитым набок таким же мятым галстуком.

— А кто такая — эта Настасья Филипповна? — не выдержал князь, но вовремя опомнился и поспешил все-таки представиться. — Я князь Мышкин, сирота, программист по образованию и практически исцеленный от целого ряда нервных недугов, которыми очень страдал. Меня доктор Шнейдер — главный в Европе по мозгам — успешно реабилитировал.

— Ну? — заинтересовался Рогожин.

— Теперь отлично. Захотелось, наконец, на свою историческую родину съездить. Моим родителям так и не удалось.

— В каком смысле — не удалось? — не понял Парфен.

— В прямом — дедушка с бабушкой еще в начале века в Швейцарию переехали, — ответил Мышкин. — Дедушка в институте химии преподавал. Мама с папой в Париже познакомились.

— А потом? — не унимался коммерсант.

— А потом все умерли, а я в клинику лег на восемь лет. Месяц назад возникло одно незначительное дело по родственной линии, и я решил Москву посетить, хотя денег не было. Но доктор Шнейдер, друг дедушки — золотой человек — и денег на обратную дорогу дал, и на карманные расходы.

(Доктор Шнейдер с окаменевшим лицом. Позади него с хаусом из магнитофона отплясывает Мышкин в пижаме. Доктор открывает ящик стола, задвигает подальше опасную бритву «золнгер» и берет деньги).

Швейцария. Горная дорога. Автобус

За окнами автобуса тем временем пролетали западноевропейские ландшафты.

— О, брат! — мечтательно закатил глаза Рогожин, но вдруг спросил подозрительно:

— Тебе-то самому зачем?

— Вы, Парфен Рогожин, можете совершенно не волноваться, я по части компьютеров интересуюсь. И потом, у меня от таблеток никакого энтузиазма к женщинам.

— У меня почти то же самое, — обрадовался Парфен. — Когда я трезвый, то я их как будто и не замечаю. Зато когда выпью, энтузиазма заметно больше. Но тут все иначе вышло — стою на светофоре на красном, трезвый, как стекло, а она дорожку переходит, ножками своими нежными с белой полосочки на белую переступает. Меня, будто громом поразило, век воли не видать, никогда такого не чувствовал. Полдня на этом светофоре и простоял. Думал, обратно пойдет.

У перекрестка стоит окаменевший Парфен, мимо него с дикой скоростью мчатся машины, и

Настоящие художники, как известно, работают не для наград. И не для хохмы. Хотя, конечно, игра в "Идиота", которую затеяли лауреаты "Золотого Овена" — 2000 Иван Охлобыстин и Роман Качанов, смешная. Ну, очень смешная — точь-в-точь наша жизнь на исходе века, господа-читатели Достоевского.

ритмично, как светомузыка, мигает светофор.

Такая сытная мадам! Поворот в ней какой-то особенный. Сама под два метра ростом. Сиски очень большие. А жопа такая, что я понял, что всю жизнь о такой мечтал.

— Точно, я слышал об этой Настасье Филипповне, она с ответственным секретарем Тощим сожительствует за большие деньги, — включился в беседу третий господин.

— Клевета! Я, дорогой, вам травмы сейчас нанесу, — рассердился Рогожин. — Потом я долго ее найти не мог. И вдруг случайно встречаю во французской булочной, что на Маяковке, и, заметь, снова абсолютно тверезый. В булочной-то я с маклером встречался. Меня папа послал, очень папа просил один пароход выкупить. Так я маклера прогнал.

Рогожин неприлично прогоняет маклера.

...и пароход не купил, а купил булочную...

Рогожин держит за горло булочника в белом колпаке и отсчитывает ему деньги.

...и подарил Настасье Филипповне, чтобы она всю жизнь булочками свежими питалась. (Парфен стоит, прижав на одно колено и указывая на булочную, за ним стоит толстый пекарь в белом колпаке и держит каравай). Но к папе я после этого уже не поехал, потому что папа с братом меня всенепременно утопили бы в пруду.

На берегу пруда стоит престарелый папа с секцией батареи центрального отопления под мышкой и братом рядом. Брат держит в руках помповое ружье и кривую турецкую саблю. У обоих закрученные вверх кавалеристские усы и стрижки «под горшок».

...Поехал сюда. А папа узнал все от маклера и моего брата Сереги и поехал к Настасье Филипповне...

За столом сидит Рогожин-старший, на столе лежит секция батареи парового отопления. За спиной у отца стоит брат Серега с кривой саблей в одной руке и утюгом в другой. Перед ними в другом углу комнаты гордо стоит Н.Ф.

...И папаша говорит: «Что, голубка: под ледок булькнем или булочную возвернем?»

Та захохотала и все бумаги подписала.

(Настасья Филипповна:)

— Ха! — комкает листки бумаги и кидает перед Рогожинными на стол. Сергей Рогожин честно и старательно начинает разглаживать документы утюгом. Н.Ф. говорит:

— Теперь я понимаю, чем эти булочки для Парфена пахли. Теперь мне этот подарок того дороже во сто крат).

...А папа неделю назад умер, говорят, от гайморита. (Окровавленная голова папы откидывается назад. Из чьей-то волосатой руки выпадает окровавленная бейсбольная бита).

...Так я стал миллионером. Папка был сволочь, а на миллионы я своей ненаглядной Настасье Филипповне

куплю чисто три казино и баню. Возвращаюсь, так сказать, на родину.

Договорить он не успел, потому что с заднего сиденья поднялась пыльная сестра милосердия со связкой клистиров в руках. У нее из-за плеча выглянули две хмурые физиономии в штатском с никелированными «утками» в руках. Сестра отчетливо произнесла буквально следующее.

— Уважаемые господа пассажиры! Мы приветствуем вас на борту ультрасовременного автобуса «Белль — Женева — Берлин — Москва» и спешим напомнить, что по ходу следования вас ожидает процедура таможенного досмотра. Похищенные бриллианты, представляющие историческую ценность. И властям стало известно, что перевозятся они похитителями в их кишечниках. Поэтому все пассажиры будут подвергнуты обязательному клистированию.

— Ну, это просто черт знает что! — возмутился Рогожин. — Надоело! Я в конце концов русский, а это многое объясняет.

— Ничего, — попытался его успокоить Мышкин. — Это не больно, а даже немного приятно. Мне у доктора Шнейдера часто кружку ставили.

— Да, да! — со знанием дела вмешалась в разговор сестра милосердия. — Очень приятно! Вы знаете, что по всей Швейцарии идет поиск пропавших бриллиантов из короны самого Вильгельма Великого! Операция проходит под эгидой решения особой ассамблеи Евросоюза и обеспечивается силами Интерпола и Красного Креста.

Двое с горшками за ее спиной со значением кивнули.

Тут в коридоре произошло особенное событие: кто-то черный, без штанов, пытался вылезти в окно, но сильные руки утащили его обратно на свое сиденье. Зазвенели наручники, и шум утих.

— От, что значит немецкий порядок! — восхитился третий собеседник. — И ведь найдут свои бриллианты! Никогда такому в России не бывать. Ни за что бы в Россию не вернулся, если бы не дела.

— А какие у тебя могут быть дела, таракан? — хмуро поинтересовался Рогожин, снимая штаны.

— Квартирный вопрос в Мытищах решить надо с бывшей женой, — с готовностью ответил тот. — Но теперь, после нашей с вами, Парфен Семенович, сказочной встречи, я намерен предложить себя к вам в помощники. При ваших миллионах и моем знании юриспруденции такое вполне позволительно и даже обязательно.

— А я лечился, лечился и вылечился, — тоскливо поделился Мышкин, попутно наблюдая, как за окном автобуса, взвизывая за руки, неспешно пролетает отряд швейцарских скаутов во главе с Санта Клаусом.

Мышкин дальше смотреть не решился, задернул занавески и включил магнитофон. Зазвучала музыка хаус.

Его разбудил голос Рогожина: — Князь-брателлово! Просыпайся. Приехали. Москва-матушка!

Князь открыл глаза и действительно увидел через окно автобуса фасад гостиницы «Катерина».

— Слушай, помоги! — попросил его Парфен. — Я тебе заплачу. Мне тут одну вещичку надо до метро донести.

— Нет, платить не надо, — запротестовал Мышкин. — Я и так помогу.

— Добрый ты человек! — воскликнул Рогожин и пошел к выходу.

Москва. Шлюзовая набережная

На тротуаре его уже ждали — прямо перед автобусом стоял пожилой мужчина с плакатом, на котором было выведено черным маркером — «Рогожин». Позади мужчины стояла прислоненная к стене гостиницы металлическая дверь.

— Давай ее прямо сюда! К автобусу, — крикнул Парфен, указывая на дверь и сунув в руку встречающему несколько сотенных купюр. Пока из автобуса шумно выгружались интуристы, мужчина приволок дверь, куда показал Парфен.

— Хватай, князь, сзади там ручка приварена, — показал Рогожин князю и толкнул безымянного знакомого по автобусу, — а ты, таракан, спереди хватай. Только вы дверь прямо надо мной не снесите.

Компаньоны подхватили дверь, Парфен оперся о костыли, и они двинулись по улице.

— Парфен Семенович! Как Москва переменялась! Все здесь иначе, чем я в альбомах видел! Красота какая! Всюду стекло, люди такие нарядные, будто Новый год скоро, — заметил на ходу Мышкин.

— Что есть, то есть, в Москве каждый день Новый год, — подтвердил тот и спросил: Ты на метро?

— Нет, — ответил князь, — мне тут рядом, у Павелецкого вокзала родственники живут. Признаться, я немного волнуюсь перед встречей с ними.

— Я тоже всегда волнуюсь, перед встречей с братом Сергеем, он такой выдумщик, — сказал Рогожин.

В это время на крыше соседнего дома нервничал вышеупомянутый брат Серега со снайперской винтовкой в руках. Ему никак не удавалось толком прицелиться.

Из-под двери виднелись только чьи-то ноги и резиновые стопки костылей. Наконец дверь вползла в подземный переход, ведущий прямо в метро, и исчезла там навсегда. Зато вскоре на улицу вышел странный молодой человек с огромным стерео-центром на плече и спокойно зашагал в сторону Павелецкого вокзала. Но Серега уже не стал следить за ним, а только раздраженно шлепнул винтовку по лакированному прикладу и начал ее укладывать в футляр из-под контрабаса.

Москва. Дом генерала Епанчина

Князь вошел в приемную генерала Епанчина, огляделся по сторонам и поставил на журнальный столик свой магнитофон, рядом с чучелом медведя.

— Вам кого? — подозрительно уточнил у него секретарь в белом фраке, сидящий в кресле под огромным аквариумом с плавающими в нем щуками.

— Мне Ивана Федоровича, — застенчиво признался Мышкин.

— А зачем? — не удовлетворился секретарь.

— Да я и не знаю, — еще больше смутился посетитель. — С одной стороны, мы вроде как родственники, с другой — даже не знаю. Наверное, это что-то совсем уж таинственное. Я за этим из-за границы приехал.

Понять, как вести себя с нежданным гостем, секретарь окончательно не смог.

— Боюсь, что генерала скоро не будет, он человек занятой, — выдавил он и спросил. — У вас, наверно, и денег-то не очень?

— Да, денег абсолютно нет, те франки, которые мне Шнейдер на дорогу дал, я на билет потратил и на жевачку, — согласился князь, хотя счел разумным внести ясность. — Но денег мне от генерала не нужно. Но знаю, где они лежат.

— Где? — поинтересовался секретарь.

— В трубка! — мечтательно вздохнул посетитель, но все-таки добавил. — Поговорить о жизни любопытно. О том, о сем.

— Ну, тогда ждите, — окончательно запутался в чувствах секретарь. — Без Гавриила Ардалионовича вопросы про трубку мне решать невозможно. Он придет, я ему доложу, а он доложит генералу. Все проще простого.

— А можно, я немного потанцую? — попросил Мышкин.

— Милости просим, — пожал плечами молодой человек.

Князь включил магнитофон, вышел в центр приемной и стал топтаться в ритм звуку.

В приемную крупными шагами вошел Гавриил Ардалионович, с недоумением посмотрел на танцующего князя и обратился к секретарю:

— Эдиссий, это чего за упражнением?

— Это дальний родственник нашего генерала, из-за границы, — вытянулся в струнку тот. — Имеет к Ивану Федоровичу дело-с!

— Счас доложу, — понативно кивнул Гавриил Ардалионович и скрылся в кабинете.

Скоро он выглянул обратно и жестом пригласил Мышкина в кабинет генерала. Князь включил свой магнитофон, взял его в руку и направился в указанном направлении.

Генерал его ждал, сидя в кресле за огромным дубовым столом, в добротном английском костюме от Альфреда Виго.

— Так-с, поприветствовал он вошедшего и кокетливо поправил очки в тонкой золотой оправе. — Чем могу служить?

— Дела неотлагательного к вам я никакого не имею; цель моя была просто познакомиться. Для этого я и приехал из Швейцарии, — ответил князь.

— Очень похвально, но не совсем логично, — приосанился Иван Федорович и спросил: — Что, меня так хорошо знают в Швейцарии?

— Совсем не знают, и боюсь, что совсем вы им неинтересны, — признался Мышкин.

— Еще непонятней, — насутился генерал. — Так что же будем делать? Сами уйдете, или мне охрану вызывать?

— Вы меня, Иван Федорович, не поняли, — улыбнулся князь. — Я состою в связи с вашей супругой.

— Увольте, все связи моей супруги я помню и контролирую, — возразил Епанчин. — Однако о вас мне не докладывали.

— Да я по родственной линии состою, — затараторил Мышкин. — Мне ваша супруга почти троюродная тетка. Плоть от плоти, кровь от крови. Мы одни из Мышкиных на всем белом свете и остались.

Потому что еще один — Аристарх Никодимович, тот, что по дворянским собраниям и судам пороги обивал, бумаги собирал, что мы, мол, князья — не меньше, нам полсевера принадлежит, так он в прошлом году помер трагически под молоковозом. Пошел за молоком — и хруст! Мне подробно об этой неприятности из суда отписали.

Пожилый дворянин в медалях тайком сливает из стоящего на обочине молоковоза молоко. Машина тихо трогается с места и давит пожилого дворянина всмятку.

— От оно как! — сделал свой вывод из рассказа молодого человека генерал и потер руки. — Да ты, брат, дурачок видно.

— Ну, надо же! От вас ничего не утаишь, на то вы и генерал! — воскликнул Мышкин, преданно глядя в глаза почтенному вояке. — Хотя я лечился очень долго в Швейцарии. Мой доктор — доктор Шнейдер, говорил, что я практически здоров, только мне нервничать нельзя и увлекаться.

— А ты мне определенно нравишься! Мне тоже увлекаться вредно. Намедни я увлекся и две катушки гуманитарного кабеля в «буру» продул, — признался Иван Федорович и обратился к Гавриилу Ардалионовичу. — Ты, Ганя, как-то сдвинулся у себя, так возьми его к себе жить.

— Зачем же? — стал отнекиваться

князь. — Я и сам способен устроиться!

— Ничего, так надежней будет, — объяснил генерал. — У меня три дочери — Александра, Аделаида и Аглая. Также дуры набитые. Вдруг вы где случайно друг на друга наткнетесь. Дети тоже дураками получатся. А у Гани вы под присмотром будете.

— Хорошо, — смирился Мышкин.

— Ганя, иди ко мне поближе, — позвал молодого человека Иван Федорович, доставая из ящика стола чувственный портрет женщины с бутон роз в руках, обрамленный золоченым багетом. — Вот она — Настасья Филипповна, как живая. Твоя будущая половина. Возьми, она тебе на память прислала. Счастливчик.

Гавриил Ардалионович нерешительно взял портрет и начал размышлять вслух:

— Оно, конечно, — женщина она интересная, но ведь она с Тоцким сожительствует, а до этого еще могла с кем-нибудь и неоднократно. Не будет ли конфуз?! У меня мама напряглась уже.

— Какая разница, Ганя?! — нахмурился генерал. — Я тебе за ней два вагона тушенки дам из продпоставки госрезерва, а не станешь жениться — хрен тебе, а не мясные изделия.

— Настасья Филипповна?! — заинтересовался князь. — Позвольте полюбопытствовать. У меня один знакомый ее в баню обещал отвести. Рогожин Парфен Сергеевич. Редкого гуманизма фабрикант.

— Рогожин — не жалец, — хмыкнул Гавриил Ардалионович, — давеча его брат спяну хвалился, что удавит, как встретит, чтобы папины миллионы не делили.

Мышкин взял в руки портрет женщины и поднес его к самому лицу, словно надеялся вдохнуть запах, исходящий от ее каштановых кудрей. Но тут произошло неожиданное, Настасья Филипповна подмигнула ему с портрета, протянула руку и железной хваткой защемила ему нос. Князь застонал и стал метаться по кабинету, отрывая портрет от лица.

Пока он упражнялся, генерал давал наставления молодому человеку:

— Не пристало тебе, Ганя, рыло от нее воротить, мне надо эту мадам от Тоцкого дистанцировать, чтобы Тоцкий на моей прыщавой Александре женился, и мы наконец слили наши предприятия в единый пищевой холдинг. А тебе, ладно, три вагона тушенки и мою клюшку для гольфа. Да и, кстати, о Парфене — конкурент! Ты на его брата не уповай особо, Парфен сам не промах. Помнишь, как он в доктора с нашим котом играл?

(Хорошенький мальчик в пионерской форме, с плоскогубцами в

руках, стоит на фоне прикрепленного к доске котика. Котик недовольно кричит).

— Помню, — кивнул тот.

— Так-то! — поднял к потолку палец генерал. — Так что бери моего дурака родственника и веди к себе домой. Вишь, он фото слушает!

В это время князь старался избавиться от хулиганствующего изображения, которое перехватило его другой рукой за ухо.

Гавриил Ардалионович подхватил князя под локоть и повел на улицу.

Но выйти из дома им так и не удалось, потому что на лестнице они столкнулись с матерью семейства Елизаветой Прокофьевной, статной дамой сорока лет, ведущей дочерей пить кофе.

— Вы кто? — заинтересовалась мать князем и ухватила его под локоть.

Портрет как-то сам по себе отлепился от лица Мышкина и, ойкая, поступал по ступенькам вниз.

Ганя побежал за ним.

— Я князь Мышкин, — обрадованно ответил князь, потирая пуговичное ухо.

— А я Елизавета Прокофьевна, тоже урожденная Мышкина, не менее радостно воскликнула добрая женщина и показала на дочерей. — А это мои белочки. Александра, Аделаида и Аглая. Все на «А». Это Иван Федорович придумал, чтобы в инициалах не путаться. Пойдемте, милейший, кофе побалуемся, и вы нам про жите ваши скорбные расскажете.

— А вы дальний родственник? — бесцеремонно поинтересовалась Аглая, тыкая пальцем в мышкинский магнитофон. — Что за музыка?

— Очень дальний, — сознался тот. — Дальше некуда. Только что из Швейцарии. А музыка — это танцевальная. Я когда здоровый был, ее все слушали. Хаус.

— Видно, давно это было, хаус — это средневековые, но мне тоже нравится, я девушка романтическая, мне все необычное нравится, в стиле ретро, — сказала девушка, уже гораздо внимательнее приглядываясь к князю.

— Ну, пошли, — потянула всех в столовую мамаша.

Они расположились в зимнем саду на втором этаже за большим, круглым столом.

— Так, родственничек, продолжим знакомство. Небось, наркоман? — продолжила расспросы генеральша. — У нас, у Мышкиных, все наркоманы. Вот мой дядька — Полуэкт Вениаминович, с утра до поздней ночи жрал колеса, пока не сдох окончательно. А моя двоюродная бабка была кокаионистка. Правда, она и сейчас жива и здорова. Ей триста лет. Такovsky парадоксы природы семейства Мышкиных.

— Нет, я таблетки не люблю, я ими давлось, — горестно посетовал князь. — Мне больше нравится рыб-бок разводить. Они бывают синенькие и красенькие. Так что в наркотиках я совсем не нуждаюсь. Я и без них нахожу жизнь достаточно живописной. У меня и справка есть.

— Какой вы искренний человек, — восхитилась младшая дочь Аглая, — как пожарный.

Тут в сад вошли генерал и Ганя с портретом под мышкой.

— Так, девочки! — закричал Иван Федорович. — Князя мучить вопросами не будем. Пусть лучше князь вам какую-нибудь моральную историю расскажет. Из своей инвалидной жизни. А потом его к Гане отпустите. Я всех родственно лобызаю и удаляюсь по делам служ-бы.

— До свидания, Ванюшка! — попрощалась с ним Елизавета Прокофьевна.

— До свидания, папулька! — подержали ее дочери.

Когда за генералом захлопнулась дверь, дамы усадили Мышкина прямо в пеленке за стол и начали расспрашивать:

— Князь, ну, расскажите нам что-нибудь! Ну, расскажите!

— Хорошо, я расскажу вам безумно печальную историю о судьбе и трагедии девушки Марии, которая потрясла меня до самого основания моей души.

Рядом с нашей клинкой был один банк, и в нем работала кассиром Мария.

(За банковской стойкой сидит Мария).

...И была она очень веселая...

(Мария фломастером рисует на сотенных банкнотах усы президента).

И добрая...

(Мария кидает из окна банка двум бомжам пачку денег. Схватив деньги, они убегают, и за углом один бомж бьет другого по голове молотком, и пачку забирает себе. Счастливая Мария стоит у окна и мечтательно смотрит на тучи).

И детей любила...

(Мария делает из денег самолетики и кидает их из окна. Самолетики летят. Дети внизу их ловят и радуются).

Но появились у Марии враги, наговорили про нее всякого владельцу банка и тот перевел ее в секретари.

(Владелец банка берет Марию за ухо и оттащивает на кухню).

...Кончилось все еще хуже, чем начиналось — Мария решила яички сварить и положила их в микроволновую печь. А печь стояла рядом с газовым распределителем.

(Мария заполняет микроволновую печь сырыми яйцами)

...Короче говоря — никто не спасся.

(От мощного взрыва на месте дома дымится огромная воронка).

...Взрывом нам забор проломил, и наших пациентов неделю по горам ловили.

А один больным глазным яблоком задохнулся...

(Страшное и синее от недостатка воздуха лицо психопата).

— Какая печальная история! — вздохнула Аделаида. — А еще!

— А еще я видел, как в Китае казнили одного писателя. Он потом свои ощущения в «интернете» опубликовал.

— Как же так? — изумилась Александра. — Его же казнили!

— Первый раз его для смеху казнили, чтобы он ощущениями смог поделиться с остальными китайскими писателями, а второй раз уже хлоп и все! (Портрет китайца испещряют пулевые отверстия).

— Ох, Китай — это прямо дичь какая-то! — поддержала Елизавета Прокофьевна. — В мою молодость цыгане на рынке продавали китайские ковры, их домой приносишь, вешаешь на стену. Днем вроде ничего, а ночью ковер зеленым начинал искриться, и на нем портрет Мао Дзедун в гробу появлялся. Такие вот традиции!

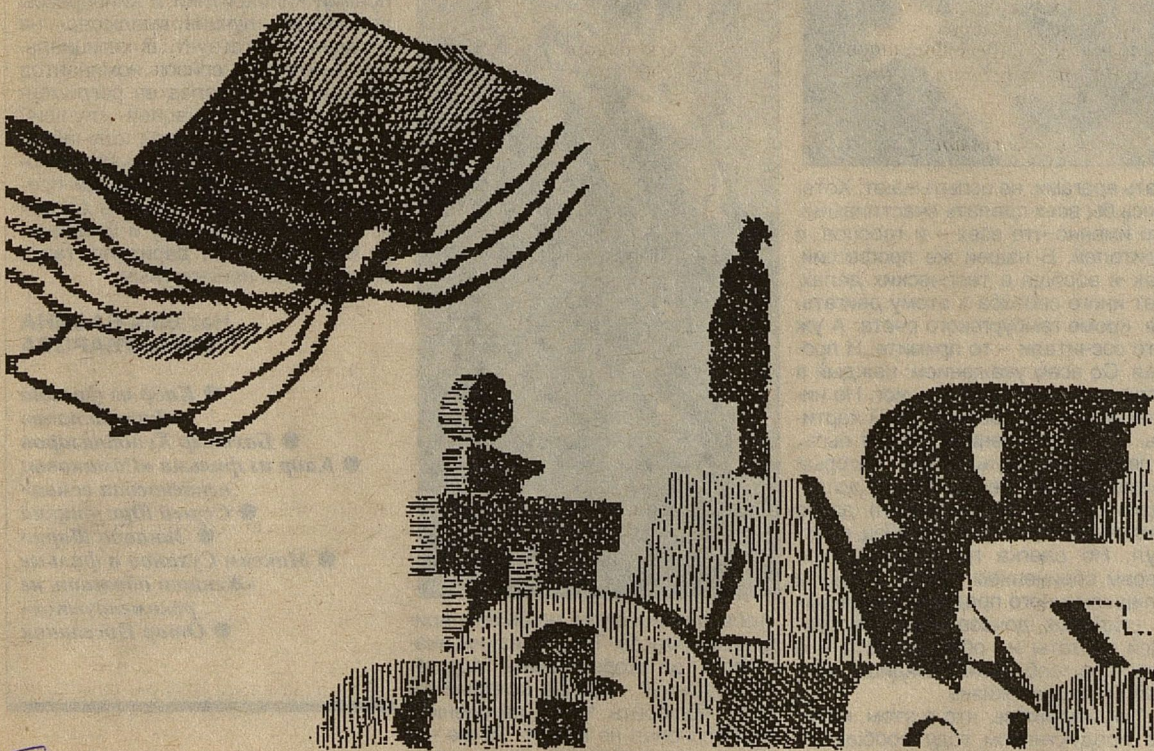
Ганя, уловив момент, склонился к уху князя и прошептал:

— Князь, ты у Аглаи спроси, как она меня любит еще или нет? Только незаметно, чтобы генеральша не дозналась о наших чувствах. Я бы лучше на ней женился, а не на той. А Аглая чего-то не хочет. Сам удивляюсь.

— Нет, она за тебя не пойдет, — шепнул ему в ответ Мышкин. — Я бы тебе совсем жениться не советовал.

— Да? — задумался Ганя и согласился. — Ну ладно, на Аглае я жениться не буду, но тушенку не упущу. Это вы уж увольте! — и добавил громко вслух: — Все, князю пора домой идти! — Ганя подхватил князя за руку и вывел из сада.

— Всего хорошего! — не без удовольствия раскланялся Мышкин с генеральшей и дочками.

Заканчивая сцену